

12. ДЕТИ НАДЕЖДЫ

Белорусы, вы ели креветки?

Мясо креветок пользуется спросом среди гурманов мира. Килограмм стоит в магазине десять долларов, а приготовленные в ресторане, креветки еще дороже. Состоятельные едоки с удовольствием платят за них большие деньги, поэтому на всех континентах существуют фирмы, цель которых поставить на стол богатым людям креветки.

Одна из фирм по добыче и переработке морского деликатеса находится в Германии. Добывает креветки в Северном море. Чтобы креветки стали пригодны для пищи, их надо переработать, отделить от шелухи. Делают сие не в Германии. Креветки везут в белорусский город Ивацевичи. Там креветки чистят и отправляют обратно в Германию. Зачем выловленные в Северном море креветки возят чистить так далеко?

Когда в январе 1992 года в Ивацевичах открылся цех по переработке креветок — это было воспринято местными жителями как надежда. Народ повалил в цех креветок. Взяли двести человек. Все — женщины. Работницам объявили, что зарплату будут выплачивать в зависимости от количества переработанного продукта. За каждый килограмм очищенных креветок обещали платить сумму, эквивалентную 0,3 доллара.

Руки белорусских женщин, привыкших копать картошку и ощипывать кур, не сразу совладали с заморским продуктом. Постепенно новое дело освоили досконально. Выяснилось, что человеческая норма — три килограмма очищенных креветок. Столько одна работница, не отвлекаясь на перекуры и разговоры, может очистить креветок за восьмичасовой день. Получилось, что за месяц женщина в цехе креветок, даже если очень поднатужится и получит премиальные, может заработать сумму, эквивалентную 20 долларам.

Оказалось, что креветки — существа не безобидные. В ответ на телесный контакт с ними они "кусаются". Руки многих работниц стали подозрительно зудеть, на них появились покраснения, трещины. Некоторые домашние обязанности, например, стирать или солить капусту, такими руками выполнять стало невозможно. Спустя время на руках женщин выступила обширная сыпь в виде болячек и гнойных образований. У иных обсыпало и лицо.

Заболевшие женщины бросились к врачам. Как и для заболевших работниц, для врачей новое заболевание явилось полной неожиданностью. Ни в больнице, ни в кожно-венерологическом диспансере никто не знал, что за болезнь поражает людей из цеха креветок и как эту болезнь лечить.

Обратили внимание на то, что женщины, прошедшие перед поступлением на работу в цех креветок медкомиссию, здоровые женщины, работая в цехе, получили заболевание не только рук и лица, но и стали часто болеть простудными заболеваниями, астматическими бронхитами.

Особо пострадавших на очистке креветок женщин решили освободить от этой работы. Им выдали справки о профессиональном заболевании. На основании справок пострадавшим выплачивалось денежное пособие как вынужденным не работать не по своей вине. Начиная с 1992 года, эти справки выдавались постоянно. В среднем за год их получали 5-6 человек.

В Германии живут такие же люди в анатомическом смысле, как белорусы, хотя Гитлер и утверждал обратное. При контакте с креветками руки у немцев болят таким же дерматитом. Поэтому ни один нормальный немец контактировать с креветками на очистке не желает. Идти на вредную примитивную низкооплачиваемую работу с креветками в Германии некому. Там женские руки себя берегут.

Фирма вынуждена искать на земном шаре колониальные страны, где креветки не едят, ничего о них не знают. Фирма везет в холодильниках-фурах креветку на переработку в Ивацевичи. Немецкой фирме все равно, куда везти неочищенную креветку, — в Беларусь, в Китай, на остров Пасхи. Если бы сейчас был 1946 год, то в Ивацевичском цехе по переработке креветок работали бы не женщины, а мужчины — пленные немецкие солдаты. Пленный солдат — раб. Ивацевичские женщины — рабыни.

В чем смысл нашей победы в Великой Отечественной войне, если дети и внуки белорусских партизан, победивших немецких солдат, чистят их потомкам из немецкой фирмы за гроши опасные для здоровья креветки? Ведь в случае победы немецкой армии дети и внуки белорусских партизан делали бы то же самое: чистили бы за гроши опасные для здоровья креветки.

Почему ивацевичские женщины не плюнули на нечеловеческий труд, не бросили цех?

По данным Ивацевичского центра занятости, рабочие не требуются ни на одно предприятие города. Количество безработных увеличивается. Немцы, посылающие нам креветки, грамотно используют ситуацию. Они поручили свои креветки посреднику, который лучше всех знает экономическую ситуацию в Беларусь, — польской фирме.

Посредники немецкой фирмы рассчитали верно: график ухудшения ситуации на рынке труда постоянно опережал график потери популярности работы в цехе креветок. У женщин как не было, так и нет иного выбора, кроме как идти на рабскую работу, предложенную немецкими

коммерсантами. Немало работниц, не выдержав нагрузок, болезней и немецкого чувства юмора в виде мизерной зарплаты, увольняется, но через полгода-год приходит снова в отдел кадров цеха креветок и просит взять их на работу. И их ... берут.

"Если у женщин Ивацевичей нет другого выхода, кроме как чистить опасные креветки, то нельзя хотя бы улучшить условия их труда?" Вопрос был адресован работнику санэпидемстанции. Ответ был следующий. Переработка креветок — дело в Беларусь новое, санитарных норм никто не знает. Заключение об условиях труда в цехе креветок сделать невозможно. Нет даже приблизительных рекомендаций, как обезопасить работниц при контакте с креветками.

В 1995 году в цехе побывала комиссия из минского научно-исследовательского института профпатологии. Комиссия предложила руководству цеха заключить договор на проведение исследовательских работ. Руководство, узнав, что за исследования надо заплатить несколько тысяч долларов, отказалось от сотрудничества.

Ивацевичские рабыни работают. Работают и болеют. В помещении бывшей столовой стоят железные полутораметровые столы, придвинутые друг к другу, за каждым в тесноте сидят по четыре женщины в белых халатах. На столах стоят по две кастрюли, из одной работницы берут креветки, в другую — бросают очищенное мясо. "Шелуху" сбрасывают в общую кучу. Вот и все производство. По словам председателя профкома, которому доводилось быть в точно таком же цехе в Польше, там работницы за такую же работу получают в 3-4 раза больше, то есть 60-80 долларов.

В развитых странах дело с креветками имеют давно и про их негативное влияние на кожу человека при переработке знают прекрасно. Креветки чистит специальная японская машина. Креветки бывают нескольких типов, начиная с самых больших, величиной с кулак, и кончая самыми маленькими, величиной с пальчик. Японская машина чистит все креветки, кроме самых маленьких, эти она не берет. Немецкие бизнесмены нашли умной машине хорошую замену — женщин колониальной страны Беларусь.

Инициатива немецких бизнесменов окрепла. Цеха по переработке креветок открыты в Березе, в Бресте. Говорят, что креветки чистят вручную и в Минске. Выяснить точно не удалось. Дела с креветками покрыты тайной.

Надежда Петровна — минский таксист. Таксистка Надюха, как зовет ее шоферня. Мы познакомились в ее последнем предпенсионном году. Машину она водила лихо, чаевые брала небрежно, за клиента боролась с шоферней безжалостно, о своих детях говорила весело, хотя впору было рыдать. Два

взрослых сына полгода находились то ли в Польше, то ли в Германии, и не было о них ни слуху ни духу.

За границу дети Надежды отправились по ее настоянию, и не в первый раз. Старшего ради заграницы она разженила. Подчинившись воле матери, он бросил в Минске жену и дочурку, уехал в восточную Польшу, в городок, где два года ухаживал за умирающим дальним родственником, пообещавшим после смерти квартиру. С квартирой не удалось, в Польше нашлись более ловкие родственники. Единственное, что они сделали для сынов Надежды, — рекомендовали знакомому поляку-предпринимателю подсобниками на стройку.

Поляк отобрал у ребят паспорта, выдал газовую плитку и продукты, первый заработок пообещал через месяц. Работали по двенадцать часов в день. Поляк дал по 50 долларов. По 100 долларов, сообщил, потратил на их питание, проживание, а также на взятки местным властям, закрывающим глаза на нелегальную рабсилу.

В течение второго месяца ребята разработали и осуществили дерзкий план побега и отмщения. Ночью проникли в офис предпринимателя с автогенном, забрали из сейфа паспорта, прихватили остальное содержимое. К утру были на границе. Поляк, как предполагали, погони не организовал, не захотел засветиться с белорусскими рабами.

О заграничных приключениях сыновей Надежда не сожалела. Ну, помучились. Она тоже мучилась, когда три года подряд возила в Польшу продавать барахло. Кое-что заработала, дом обставила. У ребят тоже все в конце концов окупилось. Того, что взяли из сейфа, хватило на хорошую машину. Здесь не заработали бы вдвоем за пять лет.

Откормив сынов, Надежда отправила их в Польшу. "Не побоялись, что попадутся на глаза тому поляку?" — спросил я. Она ответила бесшабашно: "Польша — большая!" Второй вояж ее сыны совершили на запад Польши, в немецкое приграничье. Сезон пасли у фермера коров. Заодно изучали возможности для проникновения в Германию. При коровах получили за полгода по 700 долларов каждый (чуть больше ушло на жизнь). Приехали домой на пятнадцатилетнем "Мерседесе". Привезли проверенный план "по Германии".

Планировалось так. Туда — через реку вплавь. В три часа ночи. С собой — паспорт и 50 марок. Бегом на первую электричку. Отъехать от границы 30 километров, пока не появились контролеры. В городке N. прибыть по подсказанному в Польше адресу. Тебя упакуют в картонную коробку и отвезут куда надо. Заработок до 1.000 марок. По истечении пятимесячного

"контракта" — добровольная легализация, краткосрочный арест, бесплатная депортация в Польшу.

Пять месяцев истекли, но сыновей не было. Или арестованы надолго, или утонули в реке, или немецкие рабовладельцы сотворили с ними нечто ужасное... Настоящая мать изревелась бы. Таксистка Надежда цепко оценивала дорожную обстановку, ловко крутила баранку, рассказывала: "Вчера внучке было три годика. Я отвезла куклу за пятнадцать долларов. А невестка меня прогнала. Ну, говорю, стерва, не видать тебе немецких алиментов. Скажу сыну — не даст ни пфенинга".

Кто ты, Надежда, — мать или мачеха?

Страна, выталкивающая своих людей в рабство, — кто ты?

Аборигены Беларуси, отправляющиеся за границу в поисках работы, не оригинальны. Когда-то рабов бесплатно перевозили в трюмах. В конце двадцатого века они путешествуют самостоятельно, на свои деньги. В тайниках вагонов, в цистернах, в рефрижераторах, в багажниках, в картонной таре, как сыны Надежды. Белорусские пограничники отлавливают нелегальных афро-азиатов тысячами в год, а они едут и едут. Значит, немало их перетекает через белорусско-польскую и польско-немецкую границы, растекается по Европе, находит работу, зарабатывает, возвращается домой с деньгами, подает пример друзьям и знакомым, и они опять едут и едут, питая современную индустрию нелегальной работоторговли.

За проводку по маршруту Родина-Москва-Минск-Брест-Граница-Польша афро-азиаты платят от двух до пяти тысяч долларов. Пограничники называют цифры на порядок больше — до пятидесяти тысяч. Но в это не верится. Видимо, пограничники набивают себе цену. Даже сумма в пять тысяч для большинства белорусов недостижима. Дай нашему 5.000 долларов — он никуда не поедет.

Сыны Надежды за полгода, повторю, заработали 1.400 долларов на двоих. За эти деньги индусы, вьетнамцы, иранцы и прочая не стронулись бы с места. Имеют самолюбие. Хотят съездить с выгодой. Если они тратят на дорогу пять тысяч, то сколько же рассчитывают привезти — двадцать, пятьдесят? Умопомрачительные для массового белоруса деньги. Жаль сынов Надежды, самых дешевых рабов современной Европы.

Белорусам дорога в Европу обходится дешево, так как до Европы рукой подать. Потратив меньше на проезд, они психологически готовы к меньшему доходу, неприхотливы, согласны на рабские условия. Белорусы пересекают государственную границу легально, купив ваучер. По одному, группы редки.

Одному проще раствориться в Польше и в растворе просочиться далее на запад. Но одного проще поработить.

Афро-азиаты едут группами по 20-70 человек, чтобы коллективно набить себе цену, противостоять скотскому обращению. В картонной коробке передвигается готовый профсоюз. На новом месте он нередко легализуется, чтобы привлечь к себе общественное внимание. Так действуют турки в Германии, алжирцы во Франции, албанцы в Италии, курды в Греции. Сбившись в большие общины, приезжие рабы во весь голос требуют гражданского равноправия. Белорусы-рабы не требуют ничего. Их даже родная земля не в силах сплотить, а чужая — подавно. Они на чужбине — как неуловимые тени. Их невозможно сосчитать. Специалисты дают цифру от 10 до 30 тысяч человек. Столько нелегальных белорусских эмигрантов в Европе. А сколько в Америке, в Африке, в Австралии?..

Удачная придумка — гайковерт. Может одновременно закрутить несколько гаек. Приставил — нажал — о"кей. Но это не автомат. Требуется человек, чтобы приставить и нажать. Все вместе назовем: живой гайковерт. Без гайки и человека не собрать ни один механизм, в том числе автомобиль. На совместном предприятии "Форд-Юнион", что близ Минска, гайковерты — молодые. Их набирали по большому конкурсу. Был ажиотаж.

Кандидаты в гайковерты полагали, что им будут платить, как на западных заводах Форда. Заплатили в десять раз меньше, по 150 долларов. А цену за собранный в Беларусь "Форд" назначили такую же, как у себя, где рабочая сила в десять раз дороже, — 15.000 долларов.

Причины взаимного влечения запада и востока обнажены. ИМ ВЫГОДНЫ дешевые гайковерты, накручивающие большую прибыль. МЫ ВЫНУЖДЕНЫ становиться ихними гайковертами, поскольку 150 долларов отечество не дает.

Белорусские аборигены поголовно готовы чистить креветки и крутить заводные гайки. Западные промышленники готовы хоть завтра покрыть Беларусь своими филиалами. Почему же не наступает у нас колониальная, но благодать? Не позволяет государственный патриотизм. Мы не дадим западным акулам поглотить нас. Или оторвать от России. Мы не продадим нашу землю, даже если она сплошь покроется осотом, наши заводы и фабрики, даже если они повалятся от ветхости. Пока все в наших руках, нас не поработить!

Патриоты, гляньте, что в ваших руках. Не первой свежести тяжелое машиностроение, по имперской логике размещенное в республике, не

обладающей необходимыми ресурсами. Отравительница-химия, живущая на привозном сырье. Нефтезаводы с давальческой нефтью, которую то дают, то отключают. Громадный военно-промышленный комплекс, никому не нужный, зависимый от России, как желторотый птенец. Перечисленное связало вас по рукам и ногам, патриоты. Связи-путы нужно срочно рвать, а не латать и восстанавливать, как талдычите вы со слезой-тоской о прошедшей любви.

Всего, что досталось Беларусь от СССР, не поднять. Что-то надо бросить, сломать, отрубить — освободиться от порабощительных связей. Развязывание пут предстоит мучительное, как в отжившем браке, но спасение именно в нем, в развязывании.

Народ не имеет власти, посему народу не свойственно раболепие. Наши трезвые взоры устремлены мимо глаз патриота, за пределы государства, туда, где налажена лучшая жизнь. Мы едем туда, чтобы поддержать семейный бюджет. Если поехать возможности нет, мы работаем здесь хоть на капиталиста, хоть на черта. Лишь бы платил больше, чем патриот.

Черти-капиталисты относятся к нам, как к рабам, но мы — не рабы. Мы — дети Надежды. Мы работаем на себя. Чтобы выжить. И коль работаем — выживем. Жестокая мать Надежда это понимает, слезливая мачеха Беларусь — нет.

Соавтор материала Андрей Козлович, мой старший сын.

1998